

НАША СТРАНА

Год издания 69-й. Буэнос Айрес, 4 ноября 2016

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 4 de noviembre de 2016 No. 3048

ОРУЖЕНОСЕЦ ИВАНА СОЛОНЕВИЧА

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ВСЕВОЛОДА КОНСТАНТИНОВИЧА ДУБРОВСКОГО-ЛЕВАШОВА

В. К. Дубровский, снят в Софии 10.8.38. Надпись на обороте фотографии: "Моей родной, глупой девоньке. Когда Вы наконец поймёте, что никто кроме Вас не существует для меня!" (Адресат посвящения - Таня Киреева?)

Тринадцатого ноября сего года исполняется полвека со дня смерти Всеволода Константиновича Дубровского (настоящая фамилия Левашов) – человека спасшего существование «Нашей Страны».

Спасшего издание после смерти его основателя, Ивана Лукьяновича Солоневича, но тоже - ещё и во время его жизни. Более того – без организаторских способностей и жертвенности Дубровского весьма возможно, что автор «Народной Монархии» не прогремел бы так звонко на всю русскую эмиграцию.

Дело в том, что своё талантливейшее, исключительно хлесткое, разящее перо Солоневич направлял не только против врагов, но и супротив потенциальных союзников. Так например, он из Уругвая, (куда был выслан в 1950 году правительством Аргентины) в своих статьях обрушивался огульно на всех дворян, не делая разницы между ними, ибо опасался что они будут претендовать на возврат сословного строя после освобождения России от ига коммунизма. При всей его пронизательности он не понимал, что никакой такой возможности не существовало и было бессмысленным развивать бесконечную полемику на эту тему, отталкивая читателей из рядов служилого дворянства.

Он также отпугивал другую огромнейшую массу людей, которые могли бы увеличить тираж газеты – представителей новой эмиграции - своим резким осуждением генерала А. А. Власова (он для него был недостаточно правым). Солоневич даже хотел посоветовать им повесить 14 пунктов власовского Пражского Манифеста 1944 года в уборной (!). Всеволод Константинович,

оставшийся в Буэнос Айресе чтобы дальше издавать и редактировать газету, весьма благоразумно сего рода тирады не пропускал в печать. Это вызывало неприятные письменные препирания с Солоневичем, но последний, задним числом, всё-таки с натугой признавал правоту Дубровского... Что не мешало ему потом вновь и вновь пытаться протиснуть в газету свои неуместные катилинарии против союзников и попутчиков.

Пятого мая 1952 Дубровский зывал к Солоневичу: “Доколе, доколе Ты будешь только крыть и крыть правую эмиграцию, своих собственных читателей, доколе будешь пилить тот сук, на котором сидишь?” Не будь Всеволода Константиновича, эта ненужная задиристость писателя “Нашу Страну” бы точно погубила.

Но кем был человек спасший газету и издававший и редактировавший её с 1950 года по 1966-ой?

Всеволод Константинович - кадет Первого Кадетского Корпуса - окончил 6 классов в 1918 году, уже при советской власти и уже не Первого Корпуса, а ... “Военной Гимназии”, как все корпуса назывались, оставаясь почти нетронутыми во внутренней жизни, в течение того последнего года – после Октября. Кадет выпуска, уже несостоявшегося, 1919 года.

В Белом Движении он был фельдфебелем Константиновского (киевского) Военного Училища, несшего военную службу более чем училищную: он гордился, что прошёл Гражданскую войну с винтовкой в руках. В Галлиполи Обществом Офицеров был принят во 2-ую Лейб-Гвардии Артиллерийскую Бригаду, куда и выпущен из Училища уже в...Болгарии. Состоял в нём до 1939 года, когда в связи с его работой с Иваном Лукьяновичем ему предложили уйти (чекистам удалось провокационно сравить Русский Обще-Воинский Союз с Солоневичем).

Политическая его работа началась со времени появления на эмигрантском горизонте И. Л. Солоневича, газету которого, издававшуюся в то время в

Софии, “Голос России”, как и все выходившие затем под разными названиями его газеты, он редактировал с 1936 года.

И главным бичем их жизни являлось расстояние. Прежде всего – надо было получить материал для газеты от Ивана Лукьяновича.

Слева направо, в довоенной Германии: Юрий Иванович Солоневич, Иван Лукьянович Солоневич, философ и писатель граф Герман фон Кайзерлинг, Всеволод Константинович Левашов-Дубровский

В период Второй Мировой войны работал в Министерстве Пропаганды болгарского правительства, ведая антикоммунистической пропагандой, за какую деятельность приговорен болгарским коммунистическим “народным” судом к смертной казни – заочно.

Поэтому раскрытие фамилии его отца - Левашова (Дубровский – фамилия его матери) он считал тяжчайшим преступлением поссорившегося с ним сотрудника газеты Н. Потоцкого-Загорского (Шаповаленко), поставившего его, кроме всего прочего, под угрозу приведения в исполнение заочного приговора суда.

Ещё до высылки Солоневича в Уругвай, Дубровский был перегружен работой до такой степени, когда ни для чего личного не оставалось вообще никакого времени. На нём и на его молодой жене Татьяне Владимировне Киреевой, которая помогала ему во всём, лежала вообще вся работа по ведению газеты. Никакого “персонала” кроме их двоих не было.

Это означало потерять массу времени, так как он жил в Дель Висо, в 45 километрах от города, и поездка туда занимала в общей сложности около четырех часов в оба конца. То же и с поездками по городу, хотя средства сообщения в Буэнос Айресе были задуманы хорошо: уже тогда буквально весь город был покрыт линиями так называемых “коллективов” - маленьких автобусов. Однако они ходили не достаточно часто и когда приходилось пропускать два-три подряд переполненных, то на ожидание порой уходило времени больше, чем на саму поездку.

Поездка в типографию отнимала около двух часов, а если ещё и в почтовый ящик на Центральной Почте – около трёх. В общем, если с утра поехать к И. Л., а потом в типографию и на почту – то вот тебе и весь день. Затем материал переписывался Таней Дубровской на машинке заново, так как типография принимала лишь безукоризненные рукописи. Затем корректуры, вёрстка и наконец, экспедиция.

Начало 50-х годов, отправка “Нашей Страны” на почту. Слева направо: Татьяна Киреева, Михаил Баумгартен и В. К. Дубровский

К этому надо добавить визиты то подписчиков, то местных сотрудников, вроде проф. Зызыкина, Шабельского-Борк, Бориса Башилова и прочих.

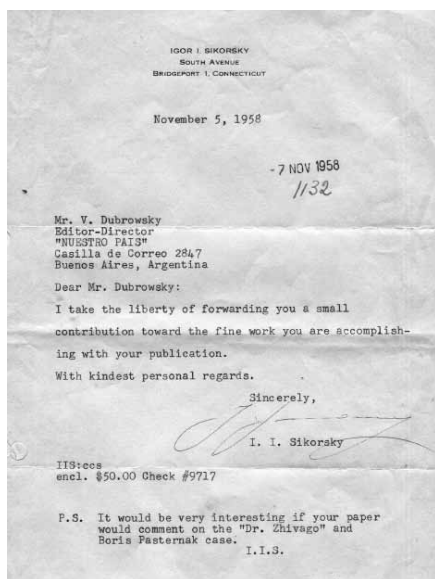
Иные визитеры были просто напастью. Дубровский жаловался Солоневичу в письме от 11.2.51: "Так много было ненужных посетителей, что просто физически не было возможности сесть за машинку. Сегодня утром дело дошло до того, что Башилов читал мне продолжение своего фельетона в... ванной, в то время, как я брился и умывался. По его мнению, это «американский» подход к вопросам, по моему – человеку и побриться не дают...". А 1.27.52, добавлял:

"«Морлоков» Башилова печатаю только для того, чтобы не отвергать решительно всё, что он даёт. Надо признаться, что пишет он не Бог знает как. Путается, повторяется, компилирует. А что касается его «бормашины» - он имеет свой день и свои два часа в неделю, причем в эти два часа я стараюсь всегда включить и обед, чтобы не так много времени терять на него. Говорит он бесконечно много. Это конечно типичный «прожектор». Весь он полон планами и уже «почти готовыми» произведениями, которые он рассказывает – надо отдать ему должное – гораздо интереснее, чем пишет". И ещё в письме от 18.8.52: "Башилов - по прежнему неутомимо развивает мне свои планы, отнимая каждую среду полтора часа до обеда, полчаса во время обеда и часа полтора после обеда". И вновь 23.11.52:

"Башиловскими материалами можно заполнить каждый номер газеты, но они всё хуже и хуже, а кроме того, он стал А. Орловым. Хочет сохранить «Башилова» только для беллетристики".

Солоневич отвечал: "С Башиловым не знаю, что Тебе делать. Говоря честно – я тоже его статей не пустил бы, а если послал их Тебе для помещения, то только с расчетом его не отталкивать. Писать то ведь он может, - вопрос только в том как заставить его писать". И предлагал: "Была у меня идея статьи «В защиту В. К. Дубровского» - о том, как я в Берлине вынужден был вышибать вон разговорчивых людей, мешавших работать и как вообще в эмиграции люди любят почесать язык. О тебе ничего – кроме заголовка. Это мог бы быть намёк для Башилова, Зызыкина и прочих. Подумай. Ведь могут до полусмерти заговорить".

А после нашествия посетителей

Письмо Игоря Ивановича Сикорского В. К. Дубровскому (продиктованное им своей американской секретарше), в котором изобретатель интересуется мнением "Нашей Страны" о романе "Доктор Живаго" Б. Пастернака

оставалась наконец самая важная часть работы – организационная и поддержание связи с представителями и подписчиками. (Среди последних числились такие величины как Игорь Иванович Сикорский, изобретатель вертолёт и убеждённый сторонник идеи народной монархии Солоневича).

Всеволод Дубровский, Ирина Баумгартен, урождённая Стрелова, и Татьяна Владимировна Дубровская, урождённая Киреева.

Всё же Всеволод Константинович не жаловался. Ему была ценна та независимость, которую он имел: делал когда хотел, что хотел и как хотел. Однако спал не больше шести часов. Дубровские имели за их работу 40 процентов от чистого дохода газеты, что составляло не более тогдашних 700 песо в месяц (около 47 американских долларов).

За комнату на улице Аменабар у семьи Баумгартен, они платили 250-260 (включая газ и электричество). На еду уходило около 300 и на папиросы ещё 100. Почти ничего не оставалось. Так что добиться хотя бы сравнительного материального благополучия было не так просто. Всё зависело для Дубровского от газеты, а она, хотя и читалась везде с большим интересом, покупалась в большинстве случаев в складчину, что не очень способствовало увеличению его доходов.

В письме своему другу Александру Андреевичу Ливену (печатался в "Нашей Стране" под псевдонимом А. Александров) от 8-2-1950, Всеволод Константинович делился: "Здесь, за редкими исключениями, никто хорошо не устроился. Лучше других живут такие семьи, как например Баумгартен, у которых мы снимаем комнату. У них работает он сам, как чертёжник, и оба сына – на постройке. Они в общей сложности зарабатывают около 2000 песо. Шабельский-Борк служит ночным сторожем - получает 300 песо в месяц, за 12-часовую еженочную работу, без праздников и выходных. И все в таком же роде".

Новостью о смерти в Уругвае в 1953 году И. Л. Солоневича во время операции желудка, Всеволод Константинович был ошеломлён. Слишком неожиданно это случилось. Ему и в голову не приходило, что у И. Л. мог быть рак. Он верил в то, что ему писал его друг; что операция вернёт и здоровье и силы.

Заблуждались все и сам И. Л. в первую очередь. Врачи не смогли обнаружить наличие рака до тех пор, пока он принял такие размеры, что стал для них ощутимым, а для Солоневича – смертельным. Те боли, которые временами жестоко

мучили Солоневича возможно вызывались вовсе не раком, а теми двумя язвами, которые были обнаружены в двадцатиперстной кишке. Его жена, Рутика, из разговора с доктором выяснила, что если бы он не скончался так, то всё равно не мог бы больше встать с кровати и роковой конец

был очень недалёк, несмотря на успешно сделанную операцию. Так, он ушёл совершенно неожиданно для самого себя, ни одной минуты не ожидая смерти, наоборот, веря в наступающее выздоровление.

Рутика страшно тяжело переживала эту потерю. Поначалу она даже решила переехать в Буэнос Айрес, а не в США, где уже находился Юрий Иванович Солоневич, так как горела желанием как то помочь продолжению дела её мужа и стремилась быть возле газеты, - как то приложить и свой труд. После – передумала и переехала в США.

Всеволод Константинович ни на минуту не задумался о судьбе газеты и издательства. И одно и другое должно было развиваться дальше.

Он чувствовал в себе достаточно сил для этого и ни в коем случае не мог бы допустить ни прекращения газеты, ни её угасания. Как раз обратное – он хотел возможно более поднять тираж газеты, переиздавать книги Солоневича и сделать так, чтобы они проникли в возможно более широкие круги эмиграции. Идеи основателя "Нашей Страны" должны были жить и проникать всё глубже и глубже. Нелёгкая это была задача, но Всеволод Константинович верил в себя, верил в помощь ближайших сотрудников и верил в успех, несмотря на острую боль утраты.

Послав Юре Солоневичу теле-

грамму с вестью о кончине И.Л., он затем 3-го мая 1953 года ему написал: "Всю глубину и тяжесть этой потери, каждый по своему, но одинаково больно и одинаково остро, чувствуем, вероятно, мы двое. Ты и я".

В письме от 30-го апреля, Юра отозвался так: "Получил Твою жуткую телеграмму. Не хотел верить, но верить, повидимому, придётся. Шлю Тебе статью. Я обсудил её с Макаровым (общественный деятель, сын знаменитого адмирала. Н.К.) и Войцеховским. Оба согласны. Макаров добавляет идею "канонизации" Вани – как Карла Маркса монархизма. Это – нужно обсудить. Во всяком случае, я чувствую, что все мы теперь, и я в том числе, должны напрячь все силы, чтобы не дать идее угаснуть. Я обещаю давать статьи в пределах моих способностей. Постараюсь установить контакт с Российским Политическим Комитетом Сергиевского. На большее пока меня не хватит. Во всяком случае, я ситаю, что мне теперь тоже придётся впрямую. А уж если я впрягусь, то буду это делать толком. Напишу также письмо редактору "Нового Русского Слова" Вейнбауму в ответ на его хамскую статью о Ване".

Статья Юры была напечатана в 174-ом номере "Нашей Страны". Дубровский также опубликовал отклики Бориса Лукьяновича Солоневича на смерть Ивана, но в порядке исключения. С 1938 года, когда Борис выступил против своего брата с предательским памфлетом "Не могу молчать", Всеволод Константинович ни разу не нарушил своего слова не поддерживать с ним больше никаких отношений. Дубровский довольно резко отстранил Бориса и пресёк все его попытки "перенять" роль его брата, Ивана Лукьяновича, как-то вклиниться в "Нашу Страну", захватить "вакантную", как ему вероятно казалось, роль преемателя его дела.

Как это ни странно, хулиганистый Борис почему-то решил, что с уходом из жизни Ивана всё могло измениться. Он очевидно считал, что разрыв Дубровского с ним произошёл не по его собственному внутреннему убеждению, а из желания угодить Ивану Лукьяновичу. И думал, что теперь всё пойдёт по другому. Борис рассчитывал ошарашить своей напористостью Дубровского и предполагал, что последний остался тем же, что был в 1938 году; он не мог учесть насколько Всеволод Константинович политически и просто умственно развился за эти пятнадцать лет.

Третьего мая 1953-го Юра писал Дубровскому из Нью Йорка: "Сегодня отслужили панихиду,

После панихиды, траурное собрание в Нью Йорке, посвящённое И. Л. Солоневичу. Крайний справа - Юрий Иванович Солоневич.

устроенную П. Лиходеем. Народу было человек 100. После неё было собрание, на котором присутствовал служивший панихиду Владыка Никон (Рклицкий. Н.К.). Он, Лиходей, Запорожцев и я произнесли по речи. Публика была очень растрогана. Просили меня не оставлять дела, спрашивали, что будет дальше и т. д. По моему убеждению смерть Вани всколыхнула публику, и сейчас с ней многое можно было бы сделать, если бы иметь Тезисы и Азбуку Пропагандиста”.

Всеволод Дубровский за работой. Его "дружба" с папиросой кончилась для него весьма печально.

Со смертью Солоневича работа Дубровского удвоилась. Он даже ввёл для себя такую систему: кроме часов дня, две ночи в неделю работал напролёт; одну – для газеты, вторую – для более ответственных и неотложных писем. Затем спал – от 6-7 утра до часу дня.

Хотя Юра и взялся за гуж, но его настроение было пессимистическим, а главное – он недооценивал Дубровского. Он писал последнему 12 мая: “Ни Тебе, ни мне, ни даже нам обоим вместе, Вани не заменить. Хотя – кое что мы сделаем лучше него – например, прекратим грызть правых. Ни у Тебе ни у меня нет Ваниного багажа и взять его неоткуда. У меня, кроме того, лишь весьма поверхностное знание людей и обстановки, и единственное, чем я эти пробелы могу заполнить – это тот “журналистический полёт фантазии” и – при некоторой тренировки – перо, которое заставляло Ваню предвещать мне газетную будущность, Ты, я думаю, тоже скоро начнёшь писать приемлемо, хотя хлёсткого журналиста из Тебя никогда не выйдет. Ни Ты, ни я не готимся в подмётки даже Ширяеву, не то что Ване. Так что за Ширяева нам нужно держаться – он единственный “перек” в газете. Остальное – середняки. Исключая может быть Полк. С. (Савинова. Н.К.)”.

С этим Всеволод Константинович решительно не был согласен; он считал, что подбор сотрудников у него был первокачественным, за исключением разве что Бориса Башилова. Кроме того, с каждым месяцем вливались всё новые и новые силы, как например В. Федюнок, послевоенный эмигрант 1946 года, или новый эмигрант Лотов – старый и опытный журналист.

Конечно они не могли заменить Солоневича, но Дубровский считал, что поддержать его дело – могли.

Вообще за газету он не боялся; даже Иван Лукьянович, недо-вольный его “цензурой”, в течение

последних месяцев до смерти, не раз писал Дубровскому, что газета стала более интересной, зачастую выделяя то один, то другой номер, как особенно удачные. К тому же, после смерти Ивана Солоневича тираж начал увеличиваться.

В том же письме от 12 мая Юра просит Дубровского: “Уж Ты, Сева, не покупись временем – чиркай мне время от времени что делается, а может быть даже и что **делалось**, ибо я, не зная этого, – могу делать ляпсусы. Как например сделал ляпсус с Ваниным антисемитизмом в моём ответе “Новому Русскому Слову” Вот поди-ж ты. Оказывается и такое было!”

На что Дубровский ему возражает 22-го мая: “Не знаю где и когда Ваня проявил антисемитизм. Я знаю – Ты, конечно, тоже: “Дер Штюрмер” расклеенный по стенам Берлина, в котором Ваня назывался “гоем” и тому подобными ласковыми эпитетами. А чтобы наоборот: не помню”.

Дубровский искренне стремился сотрудничать с Юрой, но яблоня от яблони далеко не падает. Вскоре сын Солоневича стал выставлять ему претензии весьма схожие с отцовскими, только гораздо более резким тоном. В письме от 25-го мая он возмущался: “Получил номер и имею кое-что сказать по евоному поводу. Прежде всего – “Кукиш в кармане”. Почему Ты его выкинул? На нём была построена вся моя статья. Дело в том, что Ты не журналист. У Тебя нет хлёсткости – того “перца”, который может быть не всегда всем нравится, но который заставляет людей **читать**. И без которого газета **засохнет**. Кроме перца, – у Тебя ещё и сильно не хватает просто фантазии. Ты, из соображений “благопристойности”, чтобы кого нибудь не задеть, способен способен выкинуть вот эдакий “кукиш”, в котором был весь цимес статьи, который мог стать лозунгом, как “трубадура”, или хотя бы просто ходячей отговоркой для нашей публики”.

Под обстрелом Юры Солоневича, Всеволод Константинович, не сгибаясь, редактировал дальше “Нашу Страну” при помощи жены

Дубровский такого ответа не ожидал. Уж очень скоро Юра убил его оптимизм, касавшийся общего с ним сотрудничества, единства действий, единства понимания выпавшей на их долю задачи, долга перед Иваном Лукьяновичем.

Вместо сотрудничества, вместо помощи, после смерти И. Л., в течение этих первых невероятно тяжёлых для него месяцев, что видел Дубровский от сына основателя газеты? Только критику всех его действий, включительно до того, что и газету он якобы вести не умеет. Как будто бы Дубровский не вёл газеты Солоневича все эти годы, начиная с 1936-го.

Получая от Юры статьи и не будучи с ними согласным, в силу

их глубоко пессимистического тона, он обосновывал ему свой отказ их напечатать. Этот способ действий полностью признавал и Иван Лукьянович, судя по его письмам Дубровскому, несмотря на то, что ему, вероятно, не хотелось обсуждать ту или иную статью, или её переделывать. Но он всё-таки отдавал должное и опыту и интуиции Дубровского. И прислушивался к нему. Так, например, Солоневич в итоге признал правоту Всеволода Константиновича в том, что призыв автора “Народной Монархии” “не мешать Керенскому” (в антисоветской деятельности “главноуговаривающего”) был ошибкой.

И по настоянию Дубровского он также взял обратно свою статью, в которой поддерживал “бывшего брата” Бориса, в его конфликте с В. В. Ореховым, редактором журнала “Часовой”. С огромным количеством вычернутых Дубровским абзацев из его статей, громивших снова и снова “пузырей потонувшего мира”, и вообще “старую” эмиграцию, Иван Лукьянович не только примирился, но порою и соглашался с тем, что Всеволод Константинович был прав.

Дело в том, что Дубровский хорошо разбирался в положении и очень неплохо знал Россию. Дореволюционную – не по лубкам, а советскую знал гораздо лучше многих других. И по личным отношениям с крупнейшим числом новых эмигрантов и по тому, что в течение шести лет – с 1938 по конец 1944-го года он почти не передвигал стрелки радио с Москвы и слушал абсолютно всё, начиная с ежедневных передовиц “Правды” и кончая проработкой Курса ВКПб. И прекрасно знал старую эмиграцию.

У него был кругозор, дававший ему возможность судить о вещах с большим приближением к истине. Однако Юра не унимался. Всё время лез на стенку, ставил всё новые требования, ультиматумы и угрозы.

Разумеется, это давление не могло не подействовать на здоровье

начинает осточертевать мне до самой последней степени, В конце концов – насилу мил не будешь, а пререкаться с Тобой по поводу разницы между редактированием и просто цензурой – можно ещё полгода, с тем же результатом... Теперь только остаётся вопрос о форме нашего развода”.

Увы, Юра так и не исполнил клятву “идти до конца”, данную им на похоронах его матери, Тамары Владимировны, убитой в Софии в 1938 году подосланной чекистами бомбой. Он ушёл в личный быт.

А перемена в стиле “Нашей Страны” принесла свои плоды. Владелец известного книжного магазина в Буднос Айресе В. Лашкевич говорил: “Теперь газету стали покупать и серьёзные люди, которые раньше от неё отказывались из-за её скандального характера”.

Однако постоянной проблемой были финансовые затруднения, они никогда не исчезали. И вследствие них иногда появлялись помыслы покинуть Аргентины.

Так, к примеру, друг детства Ивана Солоневича, представлявшего газеты в Рио де Жанейро, Лев Степанович Рубанов, 26-9-1959 писал Дубровскому: «О переводе газеты в Бразилию. Количество местных подписчиков сразу сильно возрастёт. В одном Сан Пауло до 40 тысяч русских, не считая говорящих порусски литовцев, евреев, поляков, а газеты – ни одной. В то время как в Буэнос Айресе их несколько, при меньшем количестве русских. Кто первый здесь откроет газету – выиграет. Постарайтесь списаться с Гюльцгофом. Или с Михаилом Алексеевичем Семёновым, ныне он генеральный секретарь Федерации Монархических Организаций в Бразилии». (Виктор Васильевич Гюльцгоф, офицер Дроздовского полка, участник славного похода Яссы-Дон, двоюродный дед по материнской линии протоиерея Германа Иванова-Тринадцатого, был председателем Общества Святого Князя Владимира в Бразилии, издававшего журнал “Владимирский Вестник»).

Дубровские в другую страну так и не переехали – и правильно сделали. Вряд ли «Наша Страна» смогла бы выжить в любом государстве, кроме как в Аргентине...

Переселились они в своё время лишь в отдельную квартиру. Всеволод Константинович писал 22 июня 1953 года: «Нам удалось, наконец, каким-то чудом найти квартиру и, ещё больше – гарантию, и мы переехали из нашего бедлама на улице Аменабар. Там, в последнее время стало совершенно невыносимо. В такой маленькой квартирке – 10 человек. И в такой маленькой комнате, как была наша, 1000 экземпляров книг, которых пришлось в неё втиснуть, так как не было другого места. В общем, там выдержать было невозможно. Слава Богу, что случилось это чудо».

Впоследствии, любящий брат Тани, Михаил Владимирович Киреев, приобрёл для неё уже собственную квартиру на улице Монрое.

Курение и тяжесть работы основательно подорвали здоровье Всеволода Константиновича. После продолжительной болезни сердца, на протяжении которой за ним неустанно ухаживала его жена Татьяна Владимировна, верный оруженосец и друг Солоневича скончался – ровно 50 лет тому назад.

В истории русской монархической печати, и шире – белой эмигрантской – он безусловно занял почётное место.

Николай Казанцев

В ЗАЩИТУ БРОШЕННЫХ СЕРБСКИХ ВОЖДЕЙ

Интервью с сербским адвокатом Стефаном Каргановичем

Стефан Карганович - защитник начальника штаба Войска Республики Сербской (1992-1995) Ратко Младича и первого президента Республики Сербской в 1992—1996 годах Радована Караджича, в Гаагском Международном Трибунале.

- Г-н Карганович, Радовану Караджичу вынесен приговор - 40 лет заключения, это практически пожизненное. По Младичу решения ещё не было?

- Мы знаем, что приговор будет схожим, но они много потеряли с политической точки зрения, потому что у генерала были отличные адвокаты, и им удалось опубликовать факты, дискредитировавшие обвинение.

- Защита апеллировала также к тому, что Младич выполнял приказы, как военный, и у него проблемы с памятью.

- У него серьёзные проблемы со здоровьем, он перенёс три инсульта. Ему 74 года и ему трудно следить за процессом, а ведь это основное право подсудимого. Его здоровье в таком состоянии, что он не может участвовать полноценно.

- Он хотел предъявить суду некие документы, но их даже не стали рассматривать.

- Там были не только документы. Были два важных свидетеля, но два месяца назад главный судья Ори, голландец, неожиданно решил, что процесс закончился и больше представлять доказательства не нужно. Однако остались свидетели, один из них - бывший глава полиции Сребреницы, Хакия Мехольич, ставший после тех событий резким критиком сараевского государства. Его показания были бы ключевыми, чтобы доказать: из анклава Сребреница мусульмане постоянно совершали нападения на сербские сёла, убивали мирных жителей и это могло спровоцировать ответную резню 1995-го года.

- Нападения мусульман на сербов документировались?

- Конечно. Но они не принимались трибуналом, потому что там решили: мы судим сербов за то, что они совершили, а преступления против сербов не имеют никакого значения. Может быть, против вас совершили ужасные преступления, но это не помогает вам в вашей позиции. Мёртвые мусульмане - это плохо, а мёртвых сербов просто не будем рассматривать. У меня есть книга, которую я подарю вам, в 2009-м году здесь, в Москве мы провели научную конференцию в Академии Наук по рассмотрению деятельности Гаагского трибунала по событиям в Сребренице. Там есть статьи на русском, на английском и на сербском языках.

- Что удалось защите сделать для смягчения участи подсудимых?

- Удалось много. С самого начала Гаагский трибунал совершил огромную ошибку. В зале суда делаются повседневные записи того, что там происходит. Вы можете следить за выступлениями защиты и обвинения. В начале они решили, что им будет легко доказать вину обвиняемых сербов, что можно публиковать всё происходящее в зале и ничего не будет. На самом же деле записи судебного процесса - одни из самых драгоценных документов для историка. Потому что сторона защиты выдвигала

доказательства не только по Сребренице в пользу освобождения обвиняемых. Трибунал их не принимал во внимание никак, вынося приговоры автоматически. Но, если вы занимаетесь этой проблемой, вы можете читать записи заседаний и они дадут вам огромное количество полезной информации, дискредитирующей трибунал. Они не могут исправить эту ошибку и просто игнорируют факты.

- Но в мировой юриспруденции любые сомнения следствия следует трактовать в пользу обвиняемых.

- Конечно, выправы. Но это правило игнорируется, поэтому я всегда говорил, что это карикатура на суд.

- А как в этой ситуации ведёт себя официальный Белград?

- Стыдно. Он совсем не поддерживает сербов в Гааге. Даже такие банальные вещи, как помощь семьям. Когда хорваты наступали на Сербскую Краину, президент Слободан Милошевич ничем не помог, когда волна беженцев приближалась к границам Сербии, о них упомянули по телевизору в самом конце блока новостей, после спорта. Тысячи

выгнанных со своей земли сербов сейчас находятся Бог знает где. Впрочем, когда я познакомился со Слободаном Милошевичем в Гааге, мне показалось, что он изменился, выучил исторические уроки, но слишком поздно. Он блестяще защищался в суде, но исправить свои ошибки уже не мог.

- Вы задавали ему какие-либо вопросы?

- Нет. Он был для меня гамлетовским трагическим героем. Он был в таком плачевном состоянии... Но я общался с его братом Бориславом, дипломатом, он жил в Москве. Он был прекрасным человеком.

- Вы защищали Билян Плавшич?

- Нет. Когда я приехал, она уже заключила договор с прокуратурой. Ей подставили очень подозрительного адвоката-канадца, который её обманул (*Б. Плавшич была осуждена на 11 лет, отбывала срок в шведской уголовной тюрьме Хинсберг и вышла на волю досрочно, в 2009 г. Прим. А.В.*) Это был триумф Запада. Ей предложили сделку: если она признается, то не будет свидетельствовать против других

сербов. Они напугали её. Она биолог, не политик. Она была инструментом в руках других, даже в руководстве боснийских сербов. Искренняя женщина-патриот, она сама стала жертвой этой политической игры. Она занималась гуманитарной деятельностью в качестве члена председательства боснийских сербов во время войны.

- Какие же обвинения выдвинули против неё?

- В Гааге есть институт «Совместное уголовное предприятие». Плавшич была членом председательства, это коллективный глава государства. Во всех преступлениях, совершенных во время войны, обвиняется председительство, как командный орган. Биляне Плавшич не обязательно было лично совершать что-то или приказывать совершить.

- Вы хорошо знали Момчилу Краишника. Расскажите о нём.

- Он был председателем Скупщины (парламента) Республики Сербской. Какие преступления можно было приписать ему? Однако решили, что к председательству, коллегиально ответственному за военные преступления, реальные или мнимые, принадлежат премьер-министр и глава Народной Скупщины. Все обвинения, выдвинутые против Плавшич, хотя она ничего лично не делала, выдвинули автоматически и против Краишника. Так работает Гаагский трибунал. Его судили даже за... изнасилования. Я был в зале суда, когда приводили женщин, утверждавших, что их изнасиловали сербские солдаты. Даже если это правда, какое отношение к этому имеет глава парламента? Прокуратура отрицала, что он имеет прямое отношение к этому, но, если существует коллективная ответственность, Краишник оказывается виновен.

- Необычно было то, что освободили Воислава Шешеля, лидера Сербской Радикальной Партии.

- Его освободили условно, и не забывайте, что это лишь первый уровень, прокуратура же обжаловала это решение суда и Бог знает, что будет в конце. Сейчас следят за его политическим поведением и, если оно будет невыгодно, меру пресечения ему снова могут изменить.

- А как официальные сербские власти относятся к нему?

- Все отмечают, что защищался он блестяще и поразил этим трибунал. Даже нынешний президент Николич, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, обратил внимание на дело Шешеля, несмотря на то, что они были политическими врагами.

- Там могла быть ангажированность из более высоких кругов, чем сам трибунал, ведь национализм - главный противник вступления Сербии в Европейский Совет.

- Можно догадываться, но ответа сейчас у меня нет. Деятельность трибунала катастрофична. Он не открывает никаких новых дел, несмотря на вновь открывшиеся обстоятельства, он лишь рассматривает жалобы и апелляции. Обвиняемых угнетает отсутствие поддержки официального Белграда.

Интервью брал Антон Васильев (Москва), участвовал Игорь Макаров (Саров).

СНОВА - ПЫЛЬ В ГЛАЗА

Государственный архив Российской Федерации, впервые обнародовал документы, касающиеся убийства Царя-Мученика Николая II и членов его Семьи. Среди документов есть Акт отречения царя от престола и телеграмма, в которой большевики запрашивают у Ленина разрешение расстрелять Императора.

Владимир Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Российской Истории Академии Наук заявил, что «так называемый «Акт отречения Николая II от престола», опубликованный на сайте Госархива, по сути таковым не является. Это продолжение вранья, которое было начато чекистами. Подделку документа сделало Временное Правительство, в советское время этот миф расцвел и сейчас продолжает жить».

Очередная пыль в глаза и чепуха, пусть даже из уст доктора исторических наук и одного из ведущих лиц Института Российской Истории РАН. Почему-то время от времени кому-то постоянно нужно, то ли из среды ура-монархистов, то ли с совершенно противоположного лагеря или со стороны самых простых и пошлых авантюристов, поднимать сенсационные вопросы, находки, связанные с трагической судьбой Царской Семьи.

Была история, вернее истории, со псевдо-Анастасией, была более чем странная находка Царских мощей более чем странным исследователем. Последнее время активно муссируется идея будто не состоявшегося отречения Государя Императора. Всё это забавные темы, о которых можно до бесконечности спорить, но по нашему мнению конечная цель и смысл всего этого пустословия - отводить людей от горькой и жуткой правды и действительности.

А эта действительность всем хорошо известна и составляет наш всероссийский грех, в котором все должны каяться, а не выискивать всякие пикантные гипотезы, отводящие мысли от главного.

Горькая правда о судьбе Царских мощей изложена в кропотливой и честной работе следователя Н. А. Соколова. Относительно отречения, историк Владимир Лавров хоть и не ставит тут прямо под сомнение сам факт отречения Государя, тем не менее вносит зёрна сомнения в мысли читателей тем, что то, что до сих пор считалось оригиналом отречения, таковым будто не является, но есть какая-то подделка составленная Временным Правительством и подписанная карандашом. В понимании читателя остаётся: подделка и миф.

Мы ни минуты не намерены защищать деятелей Временного Правительства и бездарных предателей-думцев, но не совсем понятно, в чём этот документ является именно «подделкой»? Хотелось бы знать - что тут подделано? Ведь подделка это фальсификация, фальшивка. К тому же понятия «не подлинный» и «подделка» далеко не однозначны. Спорить никто не будет - карандашная подпись под официальным документом такой важности может по праву удивлять, но является ли эта подпись подделанной, фальшивой, не от руки самого Государя? Если да, то скандал очевиден, а если нет, то все эти рассуждения чепуха.

А поскольку нам известно, никто не оспаривает подлинность подписи Государя, так что все эти спекуляции не стоят ломанного гроша. Можно конечно выявлять нетрадиционные стороны этого документа, но самыми нетрадиционными не были ли обстоятельства, события и сам самый грубый факт вырывания отречения от Помазанника Божия?

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый